

О КИПРСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ

VII в. до н. э.

Монументальная скульптура вызывается к жизни внутренними потребностями общества. Это положение неоспоримо, и вряд ли кто-либо будет сейчас объяснять возникновение монументальной скульптуры в Греции египетским влиянием. Однако по отношению к некоторым областям, культура которых заведомо считается эклектической, несамостоятельной, теория заимствования еще в значительной степени сохраняет свой авторитет. Так, в недавно появившейся работе Дж. Бирмингем¹ автор, исходя из старого положения о полной зависимости культуры Кипра от ближневосточной, считает, что кипрская монументальная скульптура, буквально следуя в стиле и технике левантйской, особенно северосирийским рельефам IX—VIII вв. до н. э., должна была возникнуть именно в это время. При этом игнорируются стратиграфические выводы, послужившие основанием для датировки первых образцов монументальной пластики второй четвертью VII в. до н. э.² Кроме того, сходство стилистических черт и технических приемов еще не доказывает одновременность — многие из них весьма просты, распространены в разных местах и в разное время³. Некоторое сходство кипрской и левантйской скульптуры (главным образом мелкой пластики) объясняется не непосредственным заимствованием, а широким распространением предметов художественного ремесла и терракотовых статуэток⁴, этнической близостью этеокипрского населения малоазийскому и северосирийскому; могла сыграть роль и миграция IX в. до н. э. из Северной Сирии (там же, стр. 354 сл.). Но принципиальные отличия кипрской скульптуры от левантйской (абсолютное преобладание круглой скульптуры, ее связь со святилищами, почти полное отсутствие рельефа, независимость кипрских монументальных памятников от ассирийских) подчеркивают ее глубокое своеобразие.

Значительное ранее Э. Гьерстад в обобщающей работе, подводящей итоги исследований шведской кипрской экспедиции, отмечал самобытность и самостоятельность развития кипрской культуры. Однако, объясняя происхождение монументальной скульптуры на Кипре местными причинами⁵, он прибегает в конце концов к помощи абстрактной идеи монументализма, заимствованной из Египта и как бы подтолкнувшей внутренний процесс, что определяет, по его мнению, несколько внезапное появление первых больших статуй (там же, стр. 355).

Из-за скудости источников можно говорить лишь о самых внешних проявлениях социально-экономических процессов в кипрском обществе, вызвавших необходимость в монументальной скульптуре, — развитии хозяйства, процветании городов, широких внешних связях, могуществе морского флота (там же, стр. 459). Немалую роль, вероятно, сыграло также освобождение от ассирийского господства в 669 г. до н. э., способствовавшее общественному подъему.

О том, какой этнический элемент сыграл основную роль в создании монументальной скульптуры, единого мнения нет. Так, Э. Гьерстад считает, что греки-ахейцы, господствовавшие в начале I тыс. до н. э. в общественной и культурной жизни, позднее были оттеснены на задний план этеокиприотами. В позднегеометрическое и раннее архаическое время наиболее ярко во всех областях культурной деятельности про-

¹ J. Birmingham, The Chronology of Some Early and Middle Iron Age Cypriot Sites, AJA, 67 (1963), 1. Относительно скульптуры стр. 17, 19.

² «The Swedish-Cyprus Expedition» (далее — SCE), II, Stockholm, 1935, стр. 813; III, 1937, стр. 585.

³ Брови изображали насечками еще в шумерской скульптуре III тыс. до н. э. Дянда с розетками, известная на Кипре еще в конце II тыс. до н. э. (найдена в Энкоми — A. S. Murray, A. H. Smith, H. B. Walters, Excavation in Cyprus, L., 1900, табл. VIII, IX, 652), сохраняется на кипрских памятниках вплоть до начала V в. до н. э.; нет основания относить ее появление на Кипре непременно к IX—VIII вв. до н. э.

⁴ SCE, IV, 2, 1947, стр. 353 сл.

⁵ Там же, стр. 92—129, 318—372.

явился «этеокипрский дух», это был период «этеокипрского ренессанса»⁶. В настоящее время вопрос этот решить трудно. Может быть, вообще неверно связывать этот общественный и культурный подъем с преобладающей деятельностью того или иного этнического элемента; вряд ли к тому же ахейцы и киприоты, живя рядом в течение столетий, были абсолютно изолированы друг от друга и сохраняли свою культуру в неизменном виде, без какого-либо взаимопроникновения. Однако следует упомянуть, что и в конце VIII—VII вв. до н. э. ассирийские источники называют Кипр «Иа-тнана» или «Иаданана», т. е. данайским или греческим островом. В надписи Саргона II, найденной в Китионе, где перечисляются десять подчиненных кипрских городов, из четырех поддающихся идентификации имен правителей три являются определенно греческими, одно — финикийским⁷. В VII в. до н. э. получает свое окончательное оформление кипрско-греческий силлабарий, несомненно, восходящий еще ко II тыс. до н. э.⁸ Этот факт, как и появление в VII в. кипрско-греческих лапидарных надписей, также связывается с общим культурным подъемом⁹. Соотношение греческих и еще не прочитанных этеокипрских надписей — последние появляются лишь в IV в. до н. э. и насчитываются единицами, происходя главным образом из Аматыса¹⁰, — тоже позволяет предполагать, что в архаический период греческая часть населения играла весьма значительную, если не решающую роль. Есть основания говорить и о значительных явлениях в области литературы: к VII в. до н. э. относится окончательное оформление киклической поэмы «Киприя», приписываемой большинством античных источников киприоту Стасину¹¹; известно имя кипрского поэта-прорицателя Эвкла¹². Итак, приведенные данные не поддерживают вывода Гьерстада о почти полном оттеснении в архаическое время греческого элемента острова этеокиприотами.

До VII в. до н. э. кипрская пластика представлена в основном терракотовыми статуэтками, в большом количестве находимыми в святилищах и погребениях. Бронзовые фигуры очень редки. Традиция изготовления погребальных или вотивных глиняных фигурок восходит еще к III тыс. до н. э., когда изготавливались главным образом плоские идола¹³, не похожие на фигурки I тыс. до н. э. с цилиндрическим туловищем, сделанным на гончарном круге, и остальными частями, вылепленными от руки¹⁴ (к концу VIII в. до н. э. на Кипре начинают применять форму). Считают, что эта техника заимствована с Востока, но она весьма проста и могла в разных местах возникнуть самостоятельно. Наряду с фигурками «сирийского» типа¹⁵ есть и другие, которые не только по технике и внешнему виду, но и по окраске напоминают позднемикенские¹⁶. Не

⁶ SCE, IV, 2, стр. 452. Л. Эзей связывал введение и развитие скульптуры на Кипре с финикийцами (L. Heusey, Musée du Louvre. Catalogue des figurines antiques de terre-cuite. Figurines orientales et des îles asiatiques, P., 1923, стр. 119). Пеппо и Шипье, соглашаясь с его мнением о первоначальном введении скульптуры финикийцами, признавали большое своеобразие кипрской скульптуры. В ее распространении и возникновении монументальных памятников главную роль, с их точки зрения, сыграли потомки ахейцев, не утратившие окончательно греческого пластического гения — G. Perrot, L. Chippiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, III, P., 1885, стр. 509.

⁷ SCE, IV, 2, стр. 449.

⁸ O. Masson, Les inscriptions chypriotes syllabiques, P., 1961, стр. 39, 42; С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции, М., 1956, стр. 211.

⁹ Masson, ук. соч., стр. 82.

¹⁰ Там же, №№ 192—196, 198, 270—272.

¹¹ RE, Nб. XXII, 1922, стб. 2379, 2395 сл. Имена, начинающиеся с Στασ ..., были очень распространены на Кипре.

¹² E. Rohde, Psyche, II, Tübingen, 1910, стр. 64, прим. 1, 65.

¹³ J. L. Mures, Handbook of the Cesnola Collection of Antiquities, N. Y., 1914, стр. 333.

¹⁴ Там же, № 2023—2039, стр. 339.

¹⁵ H. T. Bossert, Altsyrien, Tübingen, 1952, стр. 194 сл.

¹⁶ V. Müller, Frühe Plastik in Griechenland und Vorderasien, Augsburg, 1929, № 333 (позднеминойская) и № 438—440 (кипрские).

указывает ли это на продолжение минойско-микенских традиций конца II тыс. до н. э.¹⁷?

Древнейшая монументальная скульптура на Кипре тесно связана с предшествующей терракотовой пластикой и как бы непосредственно продолжает ее. Почти все статуи из святилища около Агиа-Ирини изготовлены из глины, древнейшие известняковые фигуры из Арса повторяют в камне некоторые черты, характерные только для терракоты¹⁸.

В первой половине VIII в. до н. э. среди votивных приношений в Агиа-Ирини появляются фигурки людей с довольно толстым колоннообразным туловищем и поднятыми вверх — стороны руками (рис. 1)¹⁹.

Другие статуэтки, такие же по виду, отличаются от первых лишь большими размерами²⁰, являясь как бы переходными к большим фигурам. В следующем периоде (период IV, около середины VII — начала VI в. до н. э.)²¹ и те, и другие претерпевают одинаковые изменения — становятся более компактными, аккуратными, производят впечатление большей устойчивости, спокойствия²². Вся фигура похожа на колонну — руки, как правило, опущены вниз или прижаты к груди и не выходят за границы контура туловища. Эти черты характерны и для больших фигур, появляющихся в третьей четверти VII в. до н. э. (рис. 2). По-видимому, указанные стилистические изменения происходят на Кипре одновременно с возникновением монументальной скульптуры. Периода выработки и кристаллизации черт монументального стиля в мелкой пластике, подобного тому, который был в Греции²³, пока выделить не удастся.

При общности эволюции мелкой пластики в сторону статичности конкретные пути создания монументальной скульптуры в Греции и на Кипре отличаются некоторыми особенностями. На Кипре монументальная скульптура сформировалась на основе терракотовой пластики и сама первоначально была терракотовой. Причины этого заключены не столько в богатстве острова глиной, сколько в распространении среди самых широких слоев населения обычая ставить в святилищах фигуры. При этом использовали естественно наиболее дешевый материал — глину. Терракотовая пластика, отражающая вкусы простых людей, сохраняет древние, еще очень примитивные типы и приемы. Кроме того, сам материал и техника изготовления терракот предполагают значительно

Рис. 1

¹⁷ Э. Пауль считает возможным сохранение этих традиций на основании сходства с колоколовидными микенскими идолами, выполненными в той же технике, — E. P a u l, *Antike Welt in Ton*, Lpz, 1959, стр. 31.

¹⁸ SCE, III, стр. 585.

¹⁹ SCE, II, стр. 785 сл., табл. CCXXIX, 1—3 — появление «минотавров».

²⁰ SCE, II, стр. 790, табл. CCXXXVI, 1—2.

²¹ SCE, II, стр. 819; SCE, IV, ч. 2, стр. 427.

²² SCE, II, табл. CCXXIX, 6—8; CCXXX, CCXXXVI, 3—8; CCXXXVII.

²³ E. H o m a n n - W e d e k i n g, *Anfänge der griechischen Großplastik*, B., 1950, стр. 129.

большую компактность, статичность, элементарность жестов, чем бронза. Жесты фигурок III периода (VIII — начало VII в. до н. э.) из Агия-Ирини очень однообразны, их толстый колонновидный корпус создает впечатление устойчивости и солидности, характерной и для монументальной скульптуры²⁴. В Греции ведущую роль играла бронзовая пластика — именно в ней лучше всего прослеживается развитие от самых примитивных фигурок до произведений предмонументальной стадии, тогда как терракота и здесь по традиции повторяла старые типы. Бронзовые статуэтки имеют более тон-

Рис. 2

Рис. 3

кое стержневидное туловище и конечности, в бронзе возможны более свободная, динамичная композиция, выразительность, разнообразие жестов, отказ от чрезмерной массивности и грубости примитивных терракотовых идолов. Раннеархаическая пластика как бы синтезировала эти два принципа — массивности примитивных терракотовых фигурок и динамичности геометрических бронзовых статуэток, но масса и объем здесь не грубо инертны — фигуры при внешнем спокойствии и статичности четко организованы, проникнуты внутренним напряжением. Греческий путь кажется значительно более сложным в сравнении с кипрским, где монументальная скульптура в большой степени сохранила черты примитивной; корпус больших терракотовых фигур не производит впечатления живого тела, скульптор стандартно трактует его как своеобраз-

²⁴ В. Мюллер, отмечая наличие в геометрической пластике двух стилей — «стиля расчленяющего объема» (Gliederstil) и «компактного стиля» с колоннообразным корпусом (Säulenform), считает последний своего рода ранней стадией стиля раннеархаического времени (Blockstil), подчеркивающего массу и объем фигуры (Müller, ук. соч., стр. 88).

ную подставку даже в том случае, если одежда короткая и нет возможности окончательно уподобить человеческое тело колонне ²⁵.

Впрочем, говоря об отличии кипрской архаической скульптуры от греческой, нужно иметь в виду главным образом дорийские области, где был создан так называемый «дедалов» стиль с четким тектоническим построением, резким членением тела на составные части. Ионийский вариант, стоящий ближе к восточному и трактующий корпус как нерасчлененную тяжелую массу, имеет некоторые общие черты с кипрским ²⁶.

Помимо стилистических изменений, кипрскую монументальную скульптуру отличают от предшествующей стадии и другие черты. В техническом отношении пластика становится самостоятельной областью, отрываясь от гончарного ремесла, — корпус уже не изготавливают на гончарном круге. Округлость корпуса в сечении, указывающая на подражание терракотовым статуэткам, постепенно изживается; он становится уплощенным. Может быть, здесь сказалось подражание каменной скульптуре; возможно, оставив гончарную традицию, мастер самостоятельно нашел более подходящую форму. Далее, скульптор переходит к камню. Вскоре после больших терракотовых фигур Агиа-Ирини появляются древнейшие известняковые в Арсе ²⁷. Наконец, ряд особенностей связан с назначением и содержанием статуй. Репертуар монументальной скульптуры несравненно более узок, чем мелкой. Почти единственной темой в монументальной пластике стало изображение почитателей божества. Жанровые сцены, подобные беотийским, столь распространенные на Кипре в мелкой терракоте, не перешли в большую пластику. Статуи помещались главным образом в святилищах, они являлись вотивными приношениями. Скульптурных надгробий на Кипре не было, в погребения продолжали ставить маленькие фигурки.

До VIII в. до н. э. вотивные терракоты изображали животных, главным образом быков, коней, змей. Появление в VIII в. до н. э. сначала «минотавров» и человекообразных идолов, затем воинов, всадников, гидрофоров и т. п. связывают с развитием антропоморфных представлений ²⁸. Большие фигуры, появляющиеся в Агиа-Ирини в третьей четверти VII в. до н. э., представляют собой изображения прямо стоящих людей в длинной или короткой одежде, часто в коническом шлеме ²⁹ (рис. 3).

Вряд ли можно, как полагает Э. Гьерстад, говорить о портретности ранней кипрской скульптуры, индивидуальности лиц, попытках художника «передать личный

²⁵ Возможно, указанные особенности не только являются следствием техники изготовления из глины, но свидетельствуют также о влиянии на мелкую и раннюю монументальную пластику больших культовых изображений из дерева типа греческих ксоанов, не дошедших до нас (ср. В. Д. Б л а в а т с к и й, Греческая скульптура, М. — Л., 1938, стр. 10).

²⁶ Может быть, однотипность ионийского и кипрского вариантов отчасти объясняется вывозом кипрских терракотовых статуэток в позднегеометрическое и раннеархаическое время (Самос — SCE, IV, 2, стр. 333; Смирна — AJA, 66, 1962, № 4, стр. 374). Э. Гьерстад связывает с Кипром распространение в восточнотерракотовой скульптуре ряда стилистических и иконографических черт, особенностей техники, например, ре-употребление формы — SCE, IV, 2, стр. 371 сл. Вероятно, распространению кипрских терракотовых статуэток, а позднее каменных скульптур способствовала их массовость и доступность и связь с культом пафосской Афродиты. О большом авторитете Кипра в этой области свидетельствует рассказ Афиней: в начале VII в. до н. э. навкратиец Герострат посвятил в храм Афродиты в Навкратисе вывезенное из Кипра древнее изображение Афродиты (Ἀρχαίον τῆ τέχνης... Ἀφροδίτης... ἀρχαῖον τῆ τέχνης — A t h e n., XV, 675 f — 676 c).

²⁷ SCE, IV, 2, стр. 96 сл.

²⁸ SCE, II, стр. 822. В Курione первые изображения людей в длинной одежде появляются около 700 г. до н. э., см. J. H. Young, S. H. Young, Terracotta Figurines from Kourion in Cyprus, Philadelphia, 1955, стр. 218.

²⁹ SCE, II, табл. CLXXXIX—CXCVI.

темперамент и характер, а не общий тип»³⁰. Сходство лиц, поз, жестов свидетельствует именно о противоположном: перед нами вариации одного типа, конечно, отразившие этнические признаки, общие черты характера киприотов VII в. до н. э. Лица фигур одного хронологического периода не все одинаковы — выделяются группы, наделенные общими чертами, вероятно, выполненные разными мастерами; кроме того, различаются между собой типы лиц разных хронологических периодов. Вполне вероятно, что мастер, не заботясь о передаче индивидуальности (этого не нужно было и самому заказчику), готовил свою продукцию заранее и предоставлял заказчику выбирать нужный экземпляр³¹. Уделяя основное внимание лицу статуи, скульптор заботился не о передаче индивидуальных черт или красоте, а о выразительности, способствовавшей наилучшему донесению просьб почитателя божеству. Отсюда — чрезмерно расширенные глаза, напряженное, иногда наивно-удивленное выражение некоторых лиц³², еще более сближающее изображения почитателей. Вероятно, почитатель божества посвящал не свое личное, а типичное для целого слоя общества изображение. Желая обеспечить более прочную связь с божеством, он мог поставить изображение лица или категории лиц, наиболее приближенных и угодных богу, — жрецов, представителей родовой знати, царей³³, которые на Кипре выполняли и религиозные функции³⁴. Скульптура, таким образом, изображала не индивидуума, а тип.

Однообразие и чрезвычайная массовость кипрской скульптуры связаны с ее чисто практическим вотивным назначением. С точки зрения заказчика и мастера, между терракотовой фигуркой и большой каменной статуей принципиальной разницы в назначении не было, и ту, и другую ставили в теменосе с целью расположить к себе божество. Грань, отделяющая мелкую пластику от большой, в художественном отношении не является резкой. Несмотря на то, что большие скульптуры Агиа-Ирини не лишены некоторых эстетических качеств, вряд ли им придавали большое значение. Правда, каменные скульптуры более совершенны, чем терракотовые статуи Агиа-Ирини³⁵, однако в VII—VI вв. до н. э. подлинно художественные произведения, в которых ярко проявилось бы индивидуальное творчество художника, чрезвычайно редки, а выделяющиеся из общей массы памятники привлекают внимание скорее техническим мастерством выполнения, нежели высокими художественными достоинствами.

При малочисленности письменных источников по истории Кипра нельзя игнорировать и те сведения, которые кипрская скульптура может дать, хотя бы в самых общих чертах, о характере социальных отношений. Здесь основное значение имеют, по-видимому, такие факты, как массовость, широкое распространение, однообразие скульптуры, особенности расположения фигур в святилищах, отсутствие посвященных надписей VII в. до н. э. и их сравнительная редкость в более позднее время.

Поражает многочисленность кипрских статуй. Святилища буквально заполнены ими. Очевидно, обычай ставить вотивные фигуры был распространен равным образом среди всех слоев населения — их немало в сельских святилищах, удаленных от го-

³⁰ SCE, IV, 2, стр. 95.

³¹ F. N. P r y c e, Catalogue of the Sculpture in the Departament of the Greek and Roman Antiquities of the British Museum, I, 2, Cypriote and Etruscan, L., 1931, стр. 5.

³² SCE, II, табл. CLXXXIX—CXCII, CXCVII, CCV, CCIX, 3. Аналогичные черты наблюдаются в переднеазиатской пластике III тыс. до н. э.

³³ Надпись на фигурке из святилища Аполлона в Курионе свидетельствует, что посвящается изображение не самого жертвователя, а жреца Аполлона (Y o u n g, Y o u n g, ук. соч., № 375). Известны многочисленные вотивные изображения Птолемея. Несмотря на отсутствие надписей, можно предполагать, что обычай ставить в святилище статуи правителей существовал и раньше (S. C a s s o n, Chypre dans l'antiquité, P., 1940, стр. 186).

³⁴ Правители Пафоса были жрецами Афродиты. См. M a s s o n, ук. соч., № 6, 16: 'Ο Πάφως βασιλεὺς Νικοχλέτης 'ο ἱερεὺς τῆς Ἀφροδίτης.

³⁵ Скульптуры из Арса (SCE, III, табл. CLXXXV—CLXXXVII).

Рис. 4

родов³⁶. Принципиального различия между скульптурами нет — одни типы характерны для мелкой терракотовой пластики и большой скульптуры, фигуры отличаются лишь размерами. Несомненно, среди заказчиков скульптур святилища в Агия-Ирини были знатные люди, но они не считали необходимым подчеркнуть свое общественное положение каким-либо особым типом приношения или установкой скульптуры на почетном месте; статуи Агия-Ирини стояли плотной массой вокруг алтаря, при этом самые большие главным образом позади³⁷ (рис. 4). На отсутствие потребности выделяться из общей массы указывает и нераспространенность обычая сопровождать статую надписью. В Греции посвятельные надписи сначала заказчиков, а затем и художников появляются уже в VII в. до н. э. На древнем Востоке, например, в Шумере уже в III тыс. до н. э. встречаются надписи, указывающие на важность и знатность персона почитателя или передающие богу какую-либо просьбу. Первые надписи почитателей на кипрских памятниках появляются лишь во второй половине VI в. до н. э. и при этом довольно редко³⁸.

Конечно, трудно строить определенные выводы относительно общественного и государственного устройства Кипра первой половины I тыс. до н. э. на основании сказанного, однако приведенные факты скорее склоняют к предположению об общности не типа восточных деспотий, каким представляет его себе Э. Гьерстад³⁹, а более

³⁶ Casson, ук. соч., стр. 182. Большая часть приношений в святилище, находящемся между Солами и Киреней, на расстоянии 20 км от одного и другого пункта, состояла из крупных терракотовых фигур. Святилище имело чисто сельский характер.

³⁷ SCE, II, рис. 277—281.

³⁸ Muges, ук. соч., № 1361 — статуя в египетском переднике с надписью: e-ko-ta-mi-ko-ra-u-e-mi (Ἐγὼ Ταμιγόραυ ἔμι); № 1351 — статуя жреца из Голг с надписью: ta-se-ra-pi-a-se (τὰς Παρίας). Casson, ук. соч., № 251 — надпись на скульптуре из Вуни, около 500 г. до н. э.: ki-li-ka-a-me-ka-te-e-se-ta-se-o-sa-ta-si-ke-re-te-o-se (Κίλικα(ς) με κατέστασε ὁ Σασικρέτεος).

³⁹ SCE, IV, 2, стр. 498.

демократичном, где в скульптуре нашли отражения какие-то представления о равенстве, при этом о равенстве, при котором индивидуальным особенностям личности не придавалось значения. Эпиграфический документ из Идалиона — надпись на бронзовой пластинке, относящаяся к 70-м г. V в. до н. э.⁴⁰, — как нам кажется, подкрепляет это предположение: из нее явствует, что соотношение роли царя и города в управлении было равным. Э. Гьерстад считал этот «демократизм» временным, нехарактерным для Кипра, объясняя его влиянием Афин⁴¹. Однако сравнение с документами микенской Греции II тыс. до н. э. позволяет предполагать, что это соотношение является на Кипре устойчивой чертой, восходящей, очевидно, еще к ахейским порядкам II тыс. до н. э.⁴².

Ю. А. Савельев

⁴⁰ Masson, ук. соч., № 247. Царь и город (pa-si-le-u-se...-ka-se-a-po-to-li-se — βασιλεὺς... καὶ ἡ πόλις) на равных основаниях участвуют в приглашении и оплате врача для лечения раненых во время осады города персами.

⁴¹ SCE, IV, 2, стр. 498.

⁴² Возможно, в течение так называемого переходного периода на Кипре сохранилась не только царская власть (Сассон, ук. соч., стр. 81), но и некоторые другие черты общественного и государственного устройства. Надписи II тыс. до н. э. показывают, что в Греции этого времени значительную роль играл демос, являвшийся верховным собственником земли, выделявшим темны царю и воеводе, распределявшим государственную и храмовую землю; в отличие от древнего Востока в изобразительном искусстве Греции II тыс. до н. э. нет преувеличенных изображений царя (см. А. И. Тюменев, Восток и Микены, ВИ, 1959, № 12, стр. 68 сл.; Лурье, ук. соч., стр. 213, 223, 239; он же, Микенские надписи и древний Восток, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сб. памяти акад. А. И. Тюменева», М.—Л., 1963, стр. 180). На вероятность сохранения на Кипре некоторых порядков II тыс. до н. э. указывает, на наш взгляд, и такая деталь в надписи из Идалиона, как оговорка возможности замены денежного вознаграждения врачу Онасилу участком земли — подобный способ уплаты известен из пилосской надписи (Лурье, Язык и культура микенской Греции, стр. 217). Может быть, косвенным свидетельством о характере царской власти на Кипре является сообщение Геродота (V, 113) о том, что Солон, будучи на острове, прославил в стихотворении правителя Сол Филокипра. Вряд ли Солон стал бы восхвалять деспотический образ правления.

Возможно, кое-что для прояснения картины социальных отношений на Кипре может дать критский материал, так как некоторые черты общественного строя II тыс. сохранялись здесь еще в V в. до н. э., например, войкии как общинные и административные единицы. Вероятно, подобное деление, возможно, и сходная форма зависимости сельского населения (войкеи) существовали и на Кипре: в районе Идалиона упоминается поселение Atorokolo woikoi — Ἀ(ν)δρόκωλον φοικῶν — С. Я. Лурье, рец. на ук. соч. О. Массона, ВДИ, 1963, № 1, стр. 118.